

Пролог

Снег за окном усиливался. Валил пушистыми, похожими на пух, хлопьями. Девочка лет двенадцати сидела на подоконнике, уткнувшись носом в стекло, и наблюдала за снегопадом. За кружащимися в свете городских фонарей снежинками, непривычно крупными и ажурными, за поземкой, бегущей по мостовой под окнами, за тем, как улица укутывается белым пледом.

Первый снег в этом году выпал очень поздно, прямо перед самым праздником зимы. Совпали два волшебных события, когда можно загадать самое заветное желание и оно обязательно сбудется. Такое желание у девочки было одно, но очень и очень сильное. И почему-то именно сегодня, в такой сказочный день, казалось, что оно сбудется. Не прямо сейчас, конечно, а через несколько лет. Но мечтать-то можно!

— Валенси! Иди сюда! — радостно крикнула мама с первого этажа. — Скорее! У нас такая радость! Ты даже не представляешь!

Валенси, не выпуская из рук книжки, которую читала, когда не таранилась в окно на снежинки, соскочила с подоконника и кинулась из комнаты на лестницу. А потом вниз, в зал, уже украшенный к празднику. Длинные кудрявые волосы развева-

лись за спиной, словно языки пламени, — такие же непослушные и ярко-рыжие.

У камина возвышалась огромная, почти трехметровая ель, которую они с сестрой закончили украшать с утра. Под елью лежали подарки, а рядом, взявшись за руки, стояли парень с девушкой.

Девушка — тоже рыжеволосая, очень симпатичная, но значительно старше Валенси. А парень — блондин с голубыми глазами и очаровательной улыбкой.

Валенси замерла на лестнице и бросила недоуменный взгляд на маму. На парня она старалась не смотреть. Он был таким красивым, взрослым... и принадлежал ее сестре. Пока. Но когда-нибудь, когда Валенси вырастет, все изменится. Не зря же она загадала желание?

От этих мыслей сердце сжалось в сладостном предвкушении, но мама все разрушила одной фразой:

— Поздравь сестру, Вал, после зимнего праздника ее ждет свадьба! Ранион сделал предложение! А ты будешь прекрасна, как маленький ангелок. И понесешь за сестрой фату.

— Что... — бледнея, пробормотала Валенси и взглянула на сестру, как на предательницу. Хотя она таковой не была.

— Мы женимся, Вал, — усмехнулся парень и открыто улыбнулся. Так, как умел делать только он. — Ну же, Рыжик, иди поздравь нас! Что за взгляд?!

«Что за взгляд? Да как он может?!»

Руки дрожали, а из глаз катились слезы. Он всегда видел в ней только ребенка. Она была ребенком!

«Тебе еще рано любить, — смеясь, говорила мама. — Тебе надо играть в куклы».

Валенси и играла. А еще иногда подглядывала за Ранионом и понимала: для любви нет возраста. А он решил жениться на Женевьев!

— Я вас ненавижу! — воскликнула Валенси и помчалась наверх, в свою комнату, но на ступенях обронила старинную книгу в кожаном переплете. На обложке была нарисована девушка на фоне замка и парящий в небе снежный дракон, а внизу написано название: «Ледяная душа».

Девчонка пробежала несколько ступеней, но потом остановилась как вкопанная, подобрала книгу и гордо удалилась, с трудом сдерживая слезы. И только у себя в комнате разрыдалась, повторяя вновь и вновь: «Ненавижу!»

Валенси снова открыла любимую книгу, которую ей подарили на прошлое Рождество. Тогда Женевьев и Ранион только начали встречаться. Парень напоминал ледяного дракона из сказки, такой же красивый и немного отстраненный. А еще он оказался добрым, веселым и вообще просто замечательным!

Чувство к Раниону нельзя назвать любовью, это было всепоглощающее детское обожание, которое переросло в такую же безграничную ненависть. Решение пришло внезапно. Ярость была сильной.

Скрестив ноги, Валенси уселась на кровать, открыла книгу и начала плести первое в жизни самостоятельное заклинание, благо подсказок в тексте имелось предостаточно. Заклинание получилось с первого раза, потому что его подпитывали ис-

кренные и очень сильные чувства. Разбитое сердце всегда усиливает магию.

Когда с губ слетели последние слова, Валенси отключилась. Пришла в себя от тихого шепота побледневшей мамы, которая замерла в дверях комнаты.

— Милая, что же ты натворила?!

Глава 1

— **Ч**то же ты натворила? — Эти слова преследовали меня последние восемь лет. Их говорили родные, когда спешно собирали мои вещи, чтобы навсегда выставить из родительского дома, их не раз повторяла я самой себе. Даже сейчас они крутились в голове привычным шумовым фоном.

Я сидела в почтовом экипаже и чувствовала, как мерзнут руки. Не спасали ни меховые рукавицы, утепленные заклипаниями, ни отопительные камни в повозке. Пэрсикю тоже было некомфортно. Он жался ближе к шубе из густого серебристого меха и укоризненно смотрел на меня своими янтарными и круглыми, как у совы, глазами. На приплюснутой морде явно читалось: «Хозяйка, ты совсем того, раз привезла нас в такое отвратительное место?»

Наверное, и правда «того». Мне действительно не стоило сюда ехать. И не только из-за кошмарной погоды.

— Ну прости, пушистый, — пробормотала я, чтобы как-то побороть волнение. — Тут зверски холодно, мы с тобой к такому не привыкли. Но так надо, поверь.

— Это последние лет десять! — поморщился мужичок с сиденья напротив, кутаясь в овчинный тулуп. — Раньше нормальная погода была. А как этот

в замке на горе поселился, так холодища настала! Хоть, как в давние времена, начинай девственниц в жертву приносить! Может, тогда потеплеет!

— А ты дурь не мели! — шикнула на него толстая жена в необъятной шубе. — Девственниц! Ишь! Где ж их в нынешние времена найдешь?

Я молчала. И действительно помнила Сноухельм другим. Снег в предгорье иногда выпадал рано, но весной таял быстро, а лето радовало жаркой погодой. Раньше в это время только начинала опадать листва и долина казалась усыпанной золотом. Золото в кронах, золото в лужах — я любила такую погоду. Она мне подходила. Осенью волосы не казались такими полыхающе-яркими.

Но все изменилось. Только не десять лет назад, а восемь. Из-за меня. С тех пор, как я сотворила нечто ужасное, погода в долине испортилась, а я ни разу не была дома.

Меня отослали учиться в жаркий южный Тамбул — с солеными брызгами моря, разговорчивыми людьми и строгими нравами. Сначала четыре года закрытой школы магии для сложных девочек, а потом — высшая магическая академия для одаренных ведьм.

Подруги, студенческая жизнь и кот Пэрсик, который появился у меня на втором курсе. «П-э-эрсик», — именно так, растягивая гласную на южный манер, окрестила маленький светло-рыжий комочек моя подруга.

Имя прижилось, Пэрсик тоже. То время было почти счастливым. Родители не хотели, чтобы я возвращалась. Да я и сама ни за что не рискнула бы

приехать в Сноухельм, если бы не несчастье, произошедшее в нашей семье, и не моя очередная глупость. Сход лавины унес разом жизнь и мамы, и отца. Женевьев с мужем и маленькой дочкой, которую я еще не видела, остались живы, и я поняла, что не смогу прятаться вечно. Я должна навестить родных и, возможно, заплатить по счетам. Правда, про это думать не хотелось. Ну и заодно сбежать из того места, которое последние восемь лет я считала домом.

На похороны мамы и папы я не успела. Тогда, восемь лет назад, я видела их в последний раз, как и сестру. Сердце сжималось от боли, а еще оттого, что я не могла нормально прочувствовать эту боль. Восемь лет — огромный срок. Двенадцать и двадцать — это два разных человека. Родителей безумно любила та маленькая и глупая Валенси, которая в один миг уничтожила сразу несколько жизней. А вот взрослая Валенси их не знала. Она просто спешила сбежать от человека, который разбил вдребезги ее сердце и не хотел на этом ставить точку. А я так не могла. Должна была умчаться как можно дальше.

Идея вернуться и навестить долину, где я совершила самую большую ошибку в своей жизни, ошибку, которую нереально исправить, казалась здоровой. Нужно поставить точки везде, а потом уже думать, как устроить жизнь.

«Несколько дней, — твердила я себе. — Всего несколько дней, чтобы навсегда проститься с прошлым». Впрочем, я не знала, почему еду. Возможно, потому, что съедающее чувство вины за это время не стало меньше.

Экипаж остановился возле станции. Я запихнула сопротивляющегося Пэрсика в меховую переноску, дождалась, когда мне выдадут огромный чемодан на колесиках, и замерла на площади. Я помнила ее совсем другой. В ярких новогодних огнях, сверкающей. А сейчас — огромные сугробы, заледеневшие мостовые... И не скажешь, что до зимнего праздника еще три долгих месяца. Снег и лед стали частью города, потому что не таяли уже восемь лет.

— Давайте мы вас проводим? — предложил словоохотливый мужичок из экипажа, проигнорировав недовольный взгляд жены. — У нас тут улочки узкие, петляющие, немудрено заплутать. Да и темнеет уже.

— Это ни к чему, спасибо. Я сама найду дорогу. Я выросла в Сноухельме.

Взгляд, которым меня окинули, был на редкость удивленным. Да, я не походила на местную жительницу. Зеленые глаза, медные волосы и смуглая кожа. Нет, когда-то я тоже была белокожей, но за годы жизни на побережье насквозь пропиталась южным солнышком, а шубка в пол из меха серебрястой паркули только подчеркивала непривычный для этих мест загар. Сейчас я смотрелась как настоящая южанка.

Это и к лучшему. В Сноухельме мало кто связал со мной трагические события восьмилетней давности, но мне очень не хотелось быть узнанной.

Осталось лишь два человека, которые могли рассказать правду. Женевьев молчала восемь лет,

хотя, подозреваю, не перестала меня ненавидеть. А Ранион...

С ним все было сложнее.

* * *

Ноги сами несли в нужном направлении. Чемодан стучал по замороженной, тщательно расчищенной брусчатке. А Пэрсик недовольно возился в переноске. Можно было поймать экипаж, но мне хотелось прогуляться. Несмотря на ветер, мороз и колючие снежинки, которые жалили щеки. Вспомнить тихие улицы и прочувствовать на себе то, что случилось с долиной по моей вине.

До родительского дома было недалеко — всего пара кварталов, но я все равно замерзла просто смертельно. Казалось, что иду не в симпатичных кожаных сапожках на меху, а в легких туфлях. Рука примерзла к сумке, а нос хотелось скорее засунуть под теплый шарф. Попадающиеся навстречу люди тоже были в длинных шубах и меховых шапках, но выглядели не такими замерзшими, как я. Наверное, привыкли к вечному холоду.

Уже близилось время ужина, и прохожих было не так много. И ни одного знакомого лица. Это радовало. Впрочем, меня помнили рыженькой несуразной девчонкой двенадцати лет. А сейчас я выросла, смею надеяться, похорошела, ну и шуба тоже делала свое дело. Узнать человека сложнее, если наружу торчит только нос.

Перед знакомой дверью я замерла, сжала зубы и, чувствуя, что сердце сейчас выскочит из груди от волнения, постучала.

Дверь открыли не сразу. На пороге появилась Женевьев. На ее лице отразился испуг, такой заметный, что мне стало не по себе. Сестра почти не изменилась за восемь лет. Красивая девятнадцатилетняя девушка превратилась в не менее красивую, эффектную молодую женщину. Разве что черты лица стали чуть мягче, а линии фигуры — плавнее.

— Не пригласишь войти? — робея, спросила я, и сестра бросила на меня жесткий взгляд.

— Ты зря сюда приехала, Валенси. Не представляешь даже, насколько зря.

— Женевьев, там кто? — За спиной моей сестры появился Дэвид — друг детства. Я слышала, что лет пять назад они поженились. На руках у него сидела симпатичная девчушка с рыжими кудрявыми волосами.

— Вал... — пробормотал мужчина и отступил, прикрывая малышку свободной рукой, словно я могла с ней что-то сделать.

Замечательно. Меня тут боялись.

— Тебе лучше уйти, Вал, — отозвалась Женевьев устало. — Ты зря проделала такой долгий путь.

— Но это и мой дом тоже, — попыталась возразить я. Я репетировала этот разговор не раз, но все равно робела и растеряла все тщательно заученные аргументы.

— Мама с папой не указали тебя в завещании. Так что уже не твой, — с легкой печалью в голосе добавила сестра. — Не потому, что не любили, а потому, что знали — тебе нельзя сюда возвращаться. Уезжай.

— Прости, но сегодня уже не смогу. Да и некуда пока.

— Очень жаль. Завтра может быть поздно, — сказала она и захлопнула дверь прямо у меня перед носом.

Глаза обожгли злые слезы. Я предполагала нечто подобное, именно поэтому на всякий случай забронировала гостиницу. Но все равно было обидно. Рассчитывала хотя бы на пару часов вежливости и чай. Впрочем, после того, что я сотворила с ее жизнью и мечтами, Женевьев имела право меня ненавидеть.

Отдохну, выплюсь и завтра зайду снова. Заберу несколько милых сердцу безделушек (надеюсь, их не выкинули), навещу могилу родителей и уеду. Главное — определиться куда. Зато увидела свою племяншку, хоть и мельком.

Признаться, устала так, что готова была сесть и начать рыдать на пороге, лишь бы меня пустили в теплый дом и в кровать. Но это было глупо, а гостиница располагалась совсем недалеко.

— Остался последний рывок, пушистый комок шерсти! — сказала я Пэрсику, который перетаптывался в переноске. То ли замерз, то ли хотел есть, а может, в туалет или просто жаждал вырваться из ненавистной клетки. — Скажи спасибо, что она хотя бы теплая. Твой мех плюс мех в переноске — это значительно лучше, чем просто твой мех.

К счастью, в гостинице обошлось без проблем. Оказаться на улице в такой мороз — то еще испытание. Мне вручили ключи от комнаты на третьем этаже, и посыльный подхватил мои чемоданы.